Великая Отечественная: знакомая и незнакомая

Все дальше и дальше уходят в прошлое грозовые военные годы, все меньше и меньше остается фронтовиков, солдат и офицеров, смотревших смерти в лицо и преодолевших ее — преодолевших для того, чтобы выжила страна и выжил народ.

Но печальнее всего то, что и в нашей стране все чаще и чаще раздаются голоса о том, что России и под немецким управлением жилось бы совсем неплохо и что немцы, в сущности, воевали не против русского народа, а против кровавого коммунистического режима.

Так давайте поговорим о тех “благах”, которое могли принести тевтоны, вооруженные помимо вековой своей идеи натиска на Восток еще и нацистскими теориями расового превосходства и чистоты крови.

Писать об этом трудно. Читать, как мне кажется, тоже не слишком легко. Но, увы, иначе память об этом не сохранишь, а без исторической памяти очень легко потерять свое прошлое, а вместе с ним — и настоящее, и будущее.

О жестокости фашистов во время войны написаны тома и тома, тысячи, десятки тысяч томов.

Но лучше всего обратиться к материалам Нюрнбергского процесса — по той хотя бы причине, что материалы там представлялись не только советской стороной, но и союзниками: англичанами, американцами и французами. Так что вряд ли даже у записных критиканов могут найтись основания для упрека в необъективности.

И еще одно обстоятельство, без которого, пожалуй, также не обойтись.

Нюрнбергский трибунал был процессом политическим, на котором была осуждена теория и практика нацизма именно как политического учения.

Следовательно, написать о трагедии, принесенной нацизмом на нашу землю, невозможно без ссылки и на пресловутую “Майн кампф” и на другие документы нацистских лидеров.

Что же, вот выдержка из “Майн кампф”, написанной Гитлером тогда, когда он еще не был ни рейхсканцлером, ни рейхспрезидентом: “Мы обязаны истреблять население. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются как черви”.

Затем, после прихода к власти созданной Гитлером национал-социалистической партии, слова воплотились в дела: по всей Европе задымили трубы крематориев, вознося к небу прах миллионов людей, отнесенных фашистами к этим самым “низшим расам”, к которым нацистами были причислены не только евреи, но и славяне.

Нам сейчас уже трудно представить, что немцы были способны на такие зверства.

В своем романе “Тени в раю” немецкий писатель, истинный немец по крови и истинный католик по вероисповеданию, которого никак невозможно обвинить в маломальских симпатиях к коммунизму, Эрих Мария Ремарк писал: “С тридцать третьего года известно... культура — тонкий пласт, ее может смыть обыкновенный дождик. Этому научил нас немецкий народ — народ мыслителей и поэтов. Он считался высококвалифицированным. И сумел перещеголять Аттилу и Чингисхана, с упоением совершив мгновенный поворот к варварству”.

И еще одна выдержка все из той же “Майн кампф”: “Я освобождаю людей от отягощающих ограничений разума, от грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью, и от требований свободы и личной независимости, которыми могут пользоваться лишь немногие”.

А теперь обратимся непосредственно к материалам Нюрнбергского процесса: “Захват сел и городов обыкновенно начинается с постройки виселицы, на которых германские палачи убивают первых попавшихся под руку”. Это, кстати, было сказано не советским обвинителем, а американским, когда Международный трибунал стал исследовать документы о начале вторжения в СССР немецко-фашистских войск.

На совещании в рейхсканцелярии 16 июля 1941 года Гитлер дал своим подчиненным следующее указание: “Гигантское пространство должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего это должно быть достигнуто путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд”. Нужно ли пояснять, что именно понималось им под гигантскими пространствами.

И уже во исполнение указаний фюрера высшие руководители вермахта писали директивы подчиненным им войскам. В частности, начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель в своей директиве предписывает: “Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит. Устрашающее воздействие может быть только путем необычайной жестокости”.

А вот и примеры жестокости холодной и рассчитанной, перед которой меркнут все злодейства конников Аттилы и Чингисхана.

“Согласно приказу керченского коменданта все школьники должны были явиться в школы в указанный срок. Явившиеся с учебниками 245 детей были отправлены за город, в заводскую школу якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе, отравленный ядом, с пирожками. Детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызвал в “амбулаторию” и смазал губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Старших школьников вывезли за город на грузовиках и расстреляли из пулеметов в восьми километрах от города. Там находился большой противотанковый ров. Туда же отвезли отравленных детей. Ров заровняли”.

Дзержинский район Сталинграда: рядом с комендатурой обнаружена яма, из которой извлечено 516 трупов детей, женщин, стариков. Детские трупы имеют следы насилия и пыток: выколоты глаза, отрезаны пальчики, порезаны ягодицы.

Это, уточняю, Сталинград, город, в котором оборону держали подразделения вермахта, а не эсэсовские части, и, соответственно, именно солдатами вермахта и были убиты люди, вся вина которых заключалась только в том, что они были русскими. Иначе говоря, принадлежали к низшей расе, не имеющей право на существование.

Таких примеров можно привести многие сотни, впрочем, все желающие могут обратиться непосредственно к материалам Нюрнбергского процесса и ознакомиться со злодеяниями коричневых варваров.

Печально, что в нашей стране, стране, больше других пострадавшей от гитлеровского нашествия, приходится напоминать о злодеяниях нацизма и снимать грим с безобразного лика фашизма.

Говорят, что война не окончена до тех пор, пока жив последний солдат, принимавший в ней участие.

Но сдается мне, что это не так. Давно легли в мать-сыру землю воины, стоявшие на поле Куликовом, и суворовские чудо-богатыри, и кутузовские солдаты, одолевшие наполеоновскую великую армию. А ведь мы их помним, и слава их жива до тех пор, пока существует наша страна, как бы она ни называлась в то или иное время.

Мне чудится, что то там, то здесь, то в одной, то в другой стране отдается эхо Второй мировой, что она до сих пор бродит по планете и отдается то в том, то другом событии.

Заросли травой старые окопы, беспощадное время сровняло с землей блиндажи и землянки, и все больше и больше становится людей, для которых война стала уже далеким прошлым, подернулась туманом лет, исказившим контуры событий того великого и страшного времени.

Наши деды и прадеды держали оборону на всех фронтах, но, увы, и солдатская доблесть терпит порою поражение, но не в битве с превосходящими силами противника, а в борьбе с быстротекущими водами Леты, уносящими в прошлое и жизнь, и подвиги, и славу.

Но все-таки эта война, которую у нас по-прежнему называют Отечественной, будет продолжаться, пока мы не поймем, что на этот раз никто, кроме нас, не постоит за нас и нашу страну, не спасет наших матерей и наших детей. Пока каждый из нас не поймет, что теперь это война за будущее уже наших детей. Война умов, война морали, не игрушечная — психологическая.

Теперь это наша война.

И отсидеться в тихой заводи не получится, ведь речь по-прежнему идет о праве на жизнь, о будущем и страны, и каждого из нас.

Жизнь, увы, не дает нам поводов для успокоения. Грозовые тучи по-прежнему застилают горизонт, и все чаще и чаще сверкают молнии, все сильнее и сильнее раскаты грома.

И вполне возможно, что каждому из нас, как и нашим предкам в те далекие военные годы, придется выбирать, под чьи знамена ему встать, чьим лозунгам верить, какие песни петь.

Но пока жив русский дух, дотоле жива будет и страна.

Только так. И никак иначе.

Виктор МУРЗИН

Абакан